

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ*

НОМО NOVUS В УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ СОВЕТСКИХ ФАНТАСТОВ И. ЕФРЕМОВА, А. И Б. СТРУГАЦКИХ 1950–80-Х ГГ.**

Получено: 24.09.2023. Рецензировано: 15.03.2024. Принято: 10.04.2024.

Аннотация: В статье рассматривается, каким образом проблемы социального переустройства общества и пересоздания человека решились в утопических проектах советских фантастов 1950–80-х гг. Первым таким проектом в указанный период стал роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». Роман этот возник как ответ на определенные духовные запросы советского общества периода «оттепели». Представленная в нем утопическая картина будущего не была отражением официальной идеологии и официального политического курса, но отклонялась от них, выражая надежду на дальнейшую антиавторитарную эволюцию. После того, как эти надежды в конце 1960-х гг. не оправдались, Ефремов переходит к более критической оценке советской действительности, но при этом не отказывается от утопического элемента, в некоторых отношениях даже усиливая его, подчеркивая физическое и духовное совершенство людей будущего. Эгалитаризм, характерный для левых утопических проектов, дополняется у Ефремова духовным измерением, обращением к восточным (индо-буддистским) практикам саморегулирования психики, гармонизации межличностных отношений и отношений с природой. Сходную эволюцию проходят и братья Стругацкие: от энтузиазма начала 1960-х гг. (вдохновленного в том числе и романом Ефремова) к разочарованию и деконструкции утопического идеала, созданного ими ранее. Но, столкнувшись с тупиком, в который зашел гуманистический проект человека, ни Ефремов, ни Стругацкие не осмелились радикально расширить его, превратив в постгуманистический проект и включив в него искусственный разум, негуманоидных разумных существ и постлюдей, как это делают современные социальные философы.

Ключевые слова: человек, общество, утопия, Иван Ефремов, братья Стругацкие.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-74-86.

Цели пересоздания человека и переустройства общества занимали важное место в русской литературе — которая выполняла отчасти функции социальной философии — с конца XVIII и до 30-х гг. XX в. Вместе с тем, как представляется, определенным упрощением со стороны С. Никольского выглядит то, что анализ философствующей российской

*Сергеев Сергей Алексеевич, д. полит. н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), SA Sergeev@kpfu.ru, ORCID: 0000-0002-3654-8153.

**© Сергеев, С. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

литературы завершен и даже оборван на 1930-х гг. XX в.: «Коммунистическая власть в дальнейшем исследовании способов переустройства не нуждалась» (Никольский, 2023: 204). Подобная точка зрения выглядит, однако, спрямлением пути отечественной социальной мысли. Было бы точнее, на наш взгляд, говорить не о «крахе иллюзий», а о «возрождении и крахе иллюзий».

И хотя, как отметил С. Никольский, первая часть опыта неудавшихся проектов социального переустройства была завершена — создание утопий в СССР в 1930–40-е гг. практически прекратилось, «оттепель» второй половины 1950-х гг. дала новый импульс и идее выращивания «нового человека», и проектам социального переустройства. Российский социолог Г. С. Батыгин, характеризуя духовную ситуацию «оттепели», писал о «взрыве коммунистической экзальтации» (Батыгин, 2005: 81). Может быть, несколько преувеличивая интенсивность этой экзальтации, он уподоблял риторику времен «оттепели» риторике 1920-х гг.:

Искренней одухотворенностью и яркостью публицистической риторики интеллектуальная атака 1960-х годов напоминала ликвидированную из исторической памяти атаку троцкистской оппозиции. Как и в 1920-е годы, акцентировалось соответствие институциональных порядков принципам революционной морали — честности, бескорыстия, идейности (там же: 55).

Один из наиболее известных проектов социального переустройства и создания *homo novus* периода «оттепели» был написан в 1955–56 гг. Это был роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». Нередко его значение сводится к тому, что он «стал поворотной вехой в истории советской научно-фантастической литературы» (Бритиков, 2005: 220), но, думается, оно шире: картина будущего, изображенная в романе, стала ответом на общественный запрос альтернативы сталинизму — коммунизм «с человеческим лицом».

Впрочем, эта альтернативность ефремовского романа улавливалась не всеми и не всегда: даже такой искушенный исследователь, как Ф. Джеймисон, назвав «Туманность Андромеды» «великой советской утопией», тем не менее увидел в ней лишь «проекцию на космос сталинской эстетики социалистического реализма» (Jameson, 2005: 189). Более точно охарактеризовал позицию И. Ефремова Д. Сувин, отметивший скрытую полемику в «Туманности Андромеды» со сталинизмом; но и он существенно упростил взгляды Ефремова, определив их как «наивный антропоцентризм» и «ползучий сциентизм» (Suvin, 1988: 102–104). Учитывая симпатии Ефремова к восточному мистицизму и теософии,

тщательно скрываемые в «Туманности Андромеды» и отчасти раскрывшиеся лишь в его последних романах, с определением Д. Сувина также нельзя согласиться.

Чтобы описать социальную организацию общества, изображенного в «Туманности», И. Ефремов прибегает к нейрофизиологическим аналогиям, при этом отмечая, что в нем «главенства нет», иерархия отсутствует. Подчеркивается антиавторитарный характер такого общественного устройства: историк Веда Конг, беседуя с молодыми людьми, один из которых «везде ищет главенство», с улыбкой отвечает, что это «опасный путь», и «великие начальники» прошлого «были самыми связанными и зависимыми людьми» (И. А. Ефремов, 1959: 230).

Изменился в этом обществе и сам человек: все персонажи Ефремова — физически и интеллектуально совершенные люди. Этническая принадлежность в «Туманности Андромеды» сохраняется скорее как память (Дар Ветер помнит, что он происходит от русских, а Миико Эйгоро — от японцев, но говорят они, судя по всему, на одном языке), а в «Часе Быка» линии этнического и расового происхождения землян окончательно перемешались. Зависть, злоба, недоброжелательство, названные Ефремовым архаическими чертами психики, не изжиты полностью, но представляют, по-видимому, уже достаточно редкое явление. Астроном Пур Хисс, видимо, неплохой специалист, если его взяли в звездную экспедицию, но подвержен нервным срывам (там же: 74) и имеет довольно склочный характер. В словах «Мы с группой товарищей-астрономов осуждаем Мвена Маса» (там же: 293) отчетливо слышен знакомый советский дискурс публичного обвинения. И здесь речь уже не о будущем: Ефремов недвусмысленно имеет в виду один из типов людей советской эпохи, доносчика и провокатора, делавшего карьеру или самоутверждавшегося посредством голословных обвинений. Но в обществе будущего подобные демагогические манипуляции бесполезны: люди будущего, по крайней мере, подавляющее большинство, могут совершать ошибки, но не преступления.

И хотя роман Ефремова обращен в будущее, множество мелких деталей привязывает его к 1950-м гг. И речь здесь не столько о таких деталях, как консервированное мясо в рационе звездолетчиков, названное «исключительным лакомством» (там же: 100), или «шубка из голубого меха» Низы Крит¹ (там же: 322), а в том, что роман проникнут

¹Н. Лебина отмечает, что в конце 1950-х гг. «химическая шубка иностранного производства» была не только шикарным подарком женщине от влюбленного мужчины,

духом «первой оттепели» — времени возвращения реабилитированных. Основное внимание исследователей и читателей привлекал окончившийся неудачей тибетский опыт Мвена Маса и последующее триумфальное оправдание экспериментатора, в то время как оставалась в тени история Бета Лона — математика, в опытах которого бесследно исчезали люди. Бет Лон «отправил в „небытие“ — вернее, попросту уничтожил — группу в двенадцать человек», за что был предан суду (И. А. Ефремов, 1959: 204). Ефремов и его коллеги прекрасно знали таких «сильных и эгоистичных» людей, без особых колебаний отправлявших в небытие научных конкурентов. Воображение писателя делает возмездие для таких людей быстрым, неуклонным и неотвратимым: Бет Лон провел десять лет на Меркурии и затем уединился на острове Забвения. Позже, в «Часе Быка», Ефремов высказался резко: ученые, ведущие аморальные исследования и разработки, создающие оружие массового уничтожения и средства для подавления инакомыслящих, заслуживают «физического удаления на дальние планеты» (И. А. Ефремов, 1970: 206).

Однако добровольной или недобровольной изоляции от общества приходит конец, Мвен Мас возвращается в большой мир и зовет с собой Бета Лона. Позиция Ефремова здесь напоминает учение Оригена об апокастасисе — рано или поздно все грешники исправятся и попадут в рай. И будут приняты братьями и сестрами — людьми немногословными, но доброжелательными, дурным тоном у которых считались пустая болтовня и жонглирование словами (И. А. Ефремов, 1959: 345), холодноватая и нежная любовь которых сочеталась с неистовой страстью (И. А. Ефремов, 1970: 432).

Чтобы осуществить эти гигантские преобразования общества и человека, по мнению Ефремова, понадобится несколько тысяч лет: первоначально он полагал, что они не могут быть «осуществлены ранее чем через три тысячи лет», затем сократил срок на тысячелетие (И. А. Ефремов, 1959: 3), а в окончательной редакции «Туманности» отказался от конкретной датировки. При этом для Ефремова оставалось несомненным, что для приближения к утопии должно пройти несколько периодов человеческой истории (или постистории), названных им эрами (Эра Мирового Воссоединения, Эра Общего Труда, Эра Великого Кольца), каждая из которых включает несколько веков. В «Часе Быка», расставшись с оттепельной эйфорией, он вернулся к последней

но и символическим антагонистом модным трендам сталинской эпохи (Лебина, 2023: 444–446).

из намеченных им дат — началу пятого тысячелетия, указав датировку по тибетскому календарю Калачакры — «год синей лошади пятьдесят первого круга» (И. А. Ефремов, 1970: 253).

Ссылаясь на официальный — коммунистический — идеал — Ефремов вкладывал в него свое собственное содержание. В «Туманности Андромеды» намеки на это даны легкими штрихами: звездолет назван не «Весна» и не «Юность» (как можно было бы ожидать во времена «оттепели»), а «Тантра», что дает отсылку к индо-буддистской духовной традиции. В повести «Сердце змеи» уже прямо говорится, что «первым мировым языком» Земли стал санскрит, а в «Часе Быка» герои пользуются буддистским летоисчислением и психотехниками, восходящими к духовным практикам Востока (там же: 252–253, 420–421). Сам И. Ефремов был знаком с ученым-буддологом Ю. Рерихом, сыном художника и мыслителя Н. Рериха, а также поддерживал контакты с уцелевшими участниками эзотерических кружков 1920-х гг. (Сергеев и Кузьмина, 2020: 189–190). Это дало возможность С. Французову утверждать, что цивилизационной основой общества будущего, изображенного И. Ефремовым, является буддизм, что, кстати, объясняет и этическую подоплеку некоторых поступков персонажей Ефремова, и их «холодность» (Французов, 2012: 36–37). Вероятно, Ефремов считал необходимым придать обществу будущего — и человеку будущего — глубокое духовное измерение. При этом ни авраамические религии, ни философский позитивизм не могли претендовать на эту роль; первые — потому что отводили центральное место фигуре карающего бога, являющегося, по мнению Ефремова, самым худшим изобретением человека (И. А. Ефремов, 1970: 434–435), второй — поскольку сам нуждается в этической основе (там же: 394). Таким образом, ефремовский коммунизм вобрал в себя самые разные идейные и духовные традиции: от социалистов-утопистов² до Н. Рериха (высоко ценимого Ефремовым как художника и мыслителя), теософии и модернизированного буддизма. Впрочем, движение «ню-эйдж», возникшее в Западной Европе и США в 1950–60-е гг., также во многом представляло собой синтез восточных религий и левого радикализма.

Влияние романа И. Ефремова на отечественную научную фантастику и на молодое поколение писателей-фантастов было значительным. «Пол-

²В письме к В. Дмитриевскому И. Ефремов с большой симпатией отзывался о Ш. Фурье.

день. XXII век» Аркадия и Бориса Стругацких написан под влиянием «Туманности Андромеды» и, в то же время, в неявной полемике с ней.

Мы понимали, однако, — писал значительно позже Борис Стругацкий, — что Ефремов создал мир, в котором живут и действуют люди специфические, небывалые еще люди, которыми мы все станем (может быть) через множество и множество веков, а значит, и не люди вовсе — модели людей, идеальные схемы (Б. Н. Стругацкий, 2003: 68–69).

Скрытая полемика состояла в том, что в «Полдне» Стругацкие изобразили современников — лучших из современников, как им представлялось, тех, с кем им хотелось жить и работать — в условиях наступившей утопии. Большого противоречия тут не было: Ефремов писал о людях XXXVIII или XLI веков, Стругацкие — о людях XXII века, но позже, когда отношения между Ефремовым и Стругацкими стали портиться, Ефремов публично упрекнул Стругацких:

Некоторые фантасты, например братья Стругацкие у нас, наделяют своих героев теми же чертами, которые вообще присущи человеку сегодняшнего дня, теми же положительными чертами, страстями, недостатками. И искусственно переносят их в самое отдаленное будущее. Разумеется, делать это легко, для этого даже и не надо быть писателем-фантастом. Но поступать так — значит поступать неправильно (И. А. Ефремов, 1969: 313).

Споры между бывшими единомышленниками о том, каким будет и каким не будет *homo novus*, разворачивались на фоне растущего разочарования в официальной советской идеологии. В первой половине 1960-х гг. Стругацкие еще придерживались заданной идеологической рамки, но уже вкладывали в нее собственное содержание, впрочем, характерное для «шестидесятников». В 1963 г. Аркадий Стругацкий в письме брату так изложил их общее кредо:

Для меня (да и для тебя тоже) коммунизм — это братство интеллигенции, а не всяких там вонючих садовников. На солженицынских матренах коммунизма не построишь (Стругацкий и Стругацкий, 2018: 468).

Но уже в середине 1960-х гг. ситуация меняется, и отношение братьев Стругацких (и не только их) к советским реалиям становится гораздо более критическим. Упоминание о статуе Ленина, возвышающейся над Свердловском XXII века, вставленное в издание романа «Полдень. XXII век» 1963 года, из издания 1967 года (и последующих) снимается. Коммунистическая Земля будущего всё более явно противопоставляется

настоящему, и герои Стругацких, сталкиваясь с деспотиями и диктатурами, напоминая феодализм и социализм одновременно, всё более откровенно отказывают подобным обществам в праве на существование, стремясь к их уничтожению. При этом наделение главного героя сверхчеловеческими способностями лишь подчеркивает контраст между убогим настоящим и прекрасным будущим: герой романа «Обитаемый остров», землянин Максим, нечувствителен к излучению, может заживлять ранения от огнестрельного оружия, видит в темноте и способен быстро усваивать значительные массивы информации (Стругацкий и Стругацкий, 2019).

Сходную эволюцию претерпевали и произведения И. Ефремова. Впрочем, будучи человеком иного поколения, чем Стругацкие, И. Ефремов, по-видимому, питал меньше иллюзий в отношении советского строя: Аллан Ефремов, сын Ивана Ефремова, утверждал, что в конце 1950-х гг. отцу обещали Ленинскую премию, если в «Туманности Андромеды» он «поставит на площади памятник Ленину», но писатель не согласился (А. И. Ефремов, 1998: 26).

«Час Быка» писался И. Ефремовым с 1961 по 1968 гг., хотя основная работа над ним велась в 1966–67 гг. Экспедиция землян прибывает на планету Торманс (планету мучений), населенную потомками землян, бежавшими с Земли двумя тысячелетиями ранее. К моменту прилета землян планета пережила социальную, демографическую и экологическую катастрофу, приведшую к установлению тоталитарной диктатуры. Текст романа содержит множество намеков на российскую историю и современность, как тщательно зашифрованных, так и почти явных. Рассыпая намеки и полунамеки, Ефремов (как и Стругацкие) ставил целью не только усыпление бдительности цензоров Главлита, но и побуждение читателя к со-творчеству, предполагающему не только простое понимание текста и раскрытие смысла, вложенного в него автором, но и создание новых смыслов (Порус, 2016: 92). В то же время некоторые социально критические идеи Ефремова, высказанные в «Часе Быка», в лаконичных формулировках присутствуют уже в «Туманности Андромеды»: «бык» как социально-психологический тип личности, уверенный в своей правоте и подавляющий любое несогласие (И. А. Ефремов, 1959: 261), олигархия как правление немногих, «возникавшее внезапно и коварно в самых различных видах» (там же: 280), наконец, предупреждение о грядущей (а в мире «Туманности» уже случившейся) экологической катастрофе, вызванной тем, что «быки» руководствовались лишь сиюминутными интересами (там же: 261).

При этом Ефремов не собирался полностью отказываться от утопического элемента. Богатая и счастливая Земля, описываемая несколькими штрихами, служит фоном для истощенного и измученного Торманса. Ефремов при этом расширяет и углубляет характеристики землян далекого будущего. Они не просто свободны и счастливы. Они гармонично развиты: члены экспедиции, обычные ученые и инженеры, в физическом отношении подготовлены примерно на уровне профессиональных спортсменов XX века, хотя отличаются и «от них по молниеносной реакции» (И. А. Ефремов, 1970: 373). Являясь учеными-исследователями, они едва ли не в первую очередь анализируют встречающиеся им проблемы с этической точки зрения. Они обладают обостренной интуицией, многие из них владеют гипнозом, а некоторые — и искусством ясновидения, как руководитель экспедиции Фай Родис (Сергеев и Кузьмина, 2020: 194). В «Часе Быка» Ефремов уже не особенно скрывает, что практики саморегуляции и духовные практики людей будущего основываются на восточных, прежде всего индийских, учениях.

По словам В. Игрунова, «за два года с осени [19]65-го по осень [19]67-го восторженные адепты коммунизма перешли к антикоммунизму и антисоветизму» (Романтик на службе будущего..., 2017). Утопии советских писателей-фантастов резко сменяются антиутопиями, причем Ефремов и Стругацкие в этом не были одиноки: можно вспомнить менее известные повести «Башня мозга» З. Юрьева (1966) и «Сказание о Четвертой Луне» В. Фирсова (1969, опубликована в 1993 г.).

Однако дальнейшему распространению антиутопий, содержащих аллюзии на советское недавнее прошлое или настоящее, был поставлен барьер. После публикации «Часа Быка» отдельным изданием председатель КГБ Ю. Андропов обвинил роман в клевете на советскую действительность (Орехова и Петров, 1994: 240). Был уволен редактор журнала «Молодая гвардия», а роман было запрещено не только переиздавать, но и упоминать в прессе (хотя, по-видимому, из общедоступных библиотек он не изымался). «Обитаемый остров» Стругацким удалось издать отдельной книгой — но по сравнению с журнальной публикацией в него было внесено около 900 исправлений (Б. Н. Стругацкий, 2003: 188). Более того: в 1970–80-е гг. редакторы не рекомендовали называть Мир Полудня коммунистическим обществом: «Прошла, говорят, во второй половине 70-х негласная и невятная директива: не стоит-де упоминать коммунизм всуе... Впрочем, такое положение дел нас вполне устраивало» (Б. Н. Стругацкий, 2000: 267–268). Действительно,

проблематизация утопического дискурса в цикле Стругацких «Мир Полудня» демонстрирует постепенное движение к его полной деконструкции, подготавливая основу для вычленения собственно антиутопической тенденции (Бреева, 2015: 234).

Но если вопрос о переустройстве общества был из повестки дня снят — и в этом можно согласиться с С. Никольским — то вопрос о преобразовании человека продолжал осмысливаться фантастами и позже, в 1970–80-е гг. В 1985 г. Стругацкие публикуют повесть, подведшую итог циклу о Мире Полудня — «Волны гасят ветер». Человечество будет разделено на две неравные части, предсказывали они, причем меньшая часть быстро и навсегда обгонит большую. Меньшая часть — это людены, или метагомы. Они могут сохранять человеческий облик, но у них уже иное сознание, иная физиология, но они уже, по сути, нелюди, и большинству из них уже неинтересны ни человечество, ни его проблемы (Стругацкий и Стругацкая, 2022). Можно усмотреть некий символизм в том, что эта повесть вышла накануне преобразований, положивших конец и советскому социализму, и самому СССР. Столкнувшись с тупиком, в который зашел гуманистический проект человека, ни Ефремов, ни Стругацкие не осмелились радикально расширить его, превратив в постгуманистический проект и включив в него искусственный разум, негуманоидных разумных существ и постлюдей, как это делают современные социальные философы (Braidotti, 2013) и писатели-фантасты.

ЛИТЕРАТУРА

- Батыгина Г. С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса : структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России / под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой, Э. М. Свицерски. — М. : Академический проект, 2005. — С. 52–89.
- Бреева Т. Н.* Деконструкция утопического дискурса в цикле произведений братьев Стругацких «Мир полудня» // Известия Уральского федерального университета : Серия 2: Гуманитарные науки. — 2015. — Т. 136, № 1. — С. 226–235.
- Бритиков А. Ф.* Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). Кн. 1. Научная фантастика — особый род искусства. — СПб. : Творческий центр «Борей-Арт», 2005.
- Ефремов А. И.* Воспоминания об отце // Материалы симпозиума «Иван Ефремов — учёный, мыслитель, писатель. Взгляд в 3-е тысячелетие. Предвидения и прогнозы» / сост. Л. Михайлова, Т. Кораблева. — М. : НЭЦ «Эол», 1998. — С. 23–28.

- Ефремов И. А.* Туманность Андромеды. — М. : Молодая гвардия, 1959.
- Ефремов И. А.* Как создавался «Час Быка». Беседа с Г. Савченко // Молодая гвардия. — 1969. — № 5. — С. 307–320.
- Ефремов И. А.* Час Быка. — М. : Молодая гвардия, 1970.
- Лебина Н.* Пассажиры колбасного поезда : Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. — М. : Новое литературное обозрение, 2023.
- Никольский С. А.* Переустройство общества и пересоздание человека. Крах иллюзий : к политической генеалогии распределенного реестра // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 7, № 2. — С. 203–222.
- Орехова Е., Петров А.* Смотрели за каждым. О романах И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка» // Вопросы литературы. — 1994. — Т. 7, № 2. — С. 234–247.
- Порус В. Н.* Что значит «понять» художественный текст? // Вопросы философии. — 2016. — № 7. — С. 84–96.
- Романтик на службе будущего : Интервью с политиком, директором Института гуманитарно-политических исследований Вячеславом Игруновым / Гефтер. — 2017. — URL: <http://gefter.ru/archive/22368> (дата обр. 14 сент. 2023).
- Сергеев С. А., Кузьмина С. В.* «Мы — земля» : проект тотальной конвергенции человечества и «настоящая наука» Ивана Ефремова // Ab Imperio. — 2020. — № 2. — С. 171–202.
- Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Переписка, 1963 // Полное собрание сочинений. В 33 т. Т. 7. — СПб. : Сидорович, 2018. — С. 391–494.
- Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Обитаемый остров // Полное собрание сочинений. В 33 т. Т. 13. 1968. Часть I. — СПб. : Сидорович, 2019. — С. 7–280.
- Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Волны гасят ветер // Полное собрание сочинений. В 33 т. Т. 26. 1983–1984. — СПб. : Сидорович, 2022. — С. 39–169.
- Стругацкий Б. Н.* Ответ очевиден и однозначен [Интервью с Э. Геворкяном] // Если. — 2000. — № 7. — С. 262–269.
- Стругацкий Б. Н.* Комментарии к пройденному. — СПб. : Амфора, 2003.
- Французов С. А.* О цивилизационной основе общества будущего, задуманного Иваном Ефремовым // 15-е Ефремовские чтения, Вырица, 21.04.2012 г. Сборник материалов межрегиональной научной исследовательской конференции / сост. Н. П. Давыдова. — СПб. : Лема, 2012. — С. 34–39.
- Braidotti R.* The Posthuman. — Cambridge : Polity Press, 2013.
- Jameson F.* Archaeologies of the Future : The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. — New York, London : Verso, 2005.
- Swin D.* Positions and Presuppositions in Science Fiction. — Kent (Ohio) : Kent State University Press, 1988.

Sergeev, S. A. 2024. "Homo novus v utopicheskikh proyektakh sovet-skikh fantastov I. Yefremova, A. i B. Strugatskikh 1950–80-kh gg. [Homo novus in the Utopian Projects of Soviet Science Fiction Writers of the 1950–80s]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2), 74–86.

SERGEY SERGEEV

DOCTOR OF LETTERS IN POLITICAL SCIENCE

PROFESSOR

KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY (KAZAN, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-3654-8153

HOMO NOVUS IN THE UTOPIAN PROJECTS OF SOVIET SCIENCE FICTION WRITERS OF THE 1950–80S

Submitted: Sept. 24, 2023. Reviewed: Mar. 15, 2024. Accepted: Apr. 10, 2024.

Abstract: The article examines how the problems of social reconstruction of society and the re-creation of man were solved in the utopian projects of Soviet science fiction writers of the 1950–80s. The first such project in this period was Ivan Yefremov's novel "Andromeda: A Space-Age Tale". This novel arose as a response to certain spiritual needs of the Soviet society during the "Thaw". The utopian picture of the future presented in it was not a reflection of the official ideology and official political course, but deviated from them, expressing hope for further anti-authoritarian evolution. After these hopes in the late 1960s were not justified, Yefremov moves on to a more critical assessment of Soviet reality, but at the same time does not abandon the utopian element, in some respects even strengthening it, emphasizing the physical and spiritual perfection of the people of the future. Egalitarianism, characteristic of left-wing utopian projects, is complemented by Yefremov with a spiritual dimension, an appeal to Eastern (Indo-Buddhist) practices of self-regulation of the psyche, harmonization of interpersonal relationships and relationships with nature. The Strugatsky brothers went through a similar evolution: from the enthusiasm of the early 1960s (inspired, among other things, by Yefremov's novel) to disappointment and deconstruction of the utopian ideal they had previously created. But, faced with the impasse into which the humanistic project of man had reached, neither Yefremov nor the Strugatskys dared to radically expand it, turning it into a post-humanistic project and including artificial intelligence, non-humanoid intelligent beings and posthumans, as modern social philosophers do.

Keywords: Human, Society, Utopia, Ivan Yefremov, Strugatsky Brothers.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-74-86.

REFERENCES

- Batygin, G. S. 2005. "“Sotsial'nyye uchenyye' v usloviyakh krizisa [‘Social Scientists’ during Crisis]: strukturnyye izmeneniya v distsiplinarnoy organizatsii i tematicheskoy repertuarne sotsial'nykh nauk [Structural Changes in the Disciplinary Organization and Thematic Repertoire of the Social Sciences]" [in Russian]. In *Sotsial'nyye nauki v post-sovet-skoy Rossii [Social Sciences in Post-Soviet Russia]*, ed. by G. S. Batygin, L. A. Kozlova, and E. M. Sviderski, 52–89. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt [Academic project].
- Braidotti, R. 2013. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press.
- Breyeva, T. N. 2015. "Dekonstruktziya utopicheskogo diskursa v tsikle proizvedeniy brat'yev Strugatskikh 'Mir poludnya' [Deconstruction of Utopian Discourse in the Cycle of Works by

- the Strugatsky Brothers “The World of Noon”) [in Russian]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta [Izvestia Ural Federal University Journal]: Seriya 2: Gumanitarnyye nauki [Series 2: Arts and Humanities]* 136 (1): 226–235.
- Britikov, A. F. 2005. *Otechestvennaya nauchno-fantasticheskaya literatura (1917–1991 gody). Kn. 1. Nauchnaya fantastika — osoby rod iskusstva [Russian Science Fiction Literature (1917–1991). Book 1. Science Fiction is a Special Kind of Art]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tvorcheskiy tsentr “Borey-Art” [Creative Center “Borey-Art”].
- Frantsuzov, S. A. 2012. “O tsivilizatsionnoy osnove obshchestva budushchego, zadumannogo Ivanom Yefremovym [On the Civilizational Basis of the Society of the Future, Conceived by Ivan Yefremov]” [in Russian]. In *15-ye Yefremovskiye chteniya, Vyritsa, 21.04.2012 g. Sbornik materialov mezhhregional'noy nauchnoy issledovatel'skoy konferentsii [15th Yefremov Readings, Vyritsa, 21.04.2012. Anthology of the Interregional of the Interregional Scientific Research Conference]*, comp. N. P. Davydov, 34–39. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Lema.
- Jameson, F. 2005. *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. New York and London: Verso.
- Lebina, N. 2023. *Passazhiry kolbasnogo poyezda [Passengers of the Sausage Train]: Etyudy k kartine byta rossiyskogo goroda: 1917–1991 [Sketches for a Picture of the Life of a Russian City: 1917–1991]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Nikol'skiy, S. A. 2023. “Pereustroystvo obshchestva i peresozdaniye cheloveka. Krakh illyuziy [The Reorganization of Society, the Re-Creation of Human]: k politicheskoy genealogii raspredelennogo reyestra [The Collapse of Illusions]” [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 7 (2): 203–222.
- Orehkova, Ye., and A. Petrov. 1994. “Smotreli za kazhdym. O romanakh I. A. Yefremova ‘Tumannost’ Andromedy’ i ‘Chas Byka’ [They Watched Everyone. On the Novels of I. A. Yefremov ‘Andromeda: A Space-Age Tale’ and ‘The Hour of the Bull’]” [in Russian]. *Voprosy literatury* 7 (2): 234–247.
- Porus, V. N. 2016. “Chto znachit ‘ponyat’ khudozhestvennyy tekst? [What does It Mean ‘to Understand’ a Literary Text?]” [in Russian]. *Voprosy filosofii*, no. 7, 84–96.
- “Romantik na sluzhbe budushchego [A Romantic in the Service of the Future]: Interv'yu s politikom, direktorom Instituta gumanitarno-politicheskikh issledovaniy Vyacheslavom Igrunovym [Interview with Politician, Director of the Institute for Humanitarian and Political Studies Vyacheslav Igrunov]” [in Russian]. 2017. Gefter. Accessed Sept. 14, 2023. <http://gefter.ru/archive/22368>.
- Sergeyev, S. A., and S. V. Kuz'mina. 2020. “‘My — zemlya’ [‘We are the Earth’]: proyekt total'noy konvergentsii chelovechestva i ‘nastoyashchaya nauka’ Ivana Yefremova [The Project of Total Convergence of Humanity and ‘Real Science’ by Ivan Yefremov]” [in Russian]. *Ab Imperio*, no. 2, 171–202.
- Strugatskiy, A. N., and B. N. Strugatskiy. 2018. “Perepiska, 1963 [Correspondence, 1963]” [in Russian]. In vol. 7 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*, 391–494. 33 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sidorovich.
- . 2019. “Obitayemyy ostrov [Prisoners of Power]” [in Russian]. In *1968. Chast' I [1968. Part I]*, vol. 13 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*, 7–280. 33 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sidorovich.

- . 2022. “Volny gasyat veter [The Time Wanderers]” [in Russian]. In *1983–1984*, vol. 26 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Collection of Works]*, 39–169. 33 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sidorovich.
- Strugatskiy, B. N. 2000. “Otvét ocheviden i odnoznachen [Interv'yú s E. Gevorkyanom] [The Answer is Obvious and Unambiguous [Interview with E. Gevorkyan]]” [in Russian]. *Yesli [If]*, no. 7, 262–269.
- . 2003. *Kommentarii k proydennomu [Comments on the Completed]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Amfora.
- Suvin, D. 1988. *Positions and Presuppositions in Science Fiction*. Kent (Ohio): Kent State University Press.
- Yefremov, A. I. 1998. “Vospominaniya ob ottse [Memories of Father]” [in Russian]. In *Materialy simpoziuma “Ivan Yefremov — uchényy, myslitel', pisatel'. Vzglyad v 3-ye tysyacheletiyé. Predvideniya i prognozy” [Proceedings of the Symposium “Ivan Yefremov — Scientist, Thinker, Writer. A Look into the 3rd Millennium. Foresights and Forecasts”]*, comp. L. Mikhaylov and T. Korablev, 23–28. Moskva [Moscow]: N·E·Ts “Eol”.
- Yefremov, I. A. 1959. *Tumannost' Andromedy [Andromeda: A Space-Age Tale]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- . 1969. “Kak sozdavalsya ‘Chas Byka’. Beseda s G. Savchenko [How ‘The Hour of the Bull’ was Created. Interview with G. Savchenko]” [in Russian]. *Molodaya gvardiya [Young Guard]*, no. 5, 307–320.
- . 1970. *Chas Byka [The Hour of the Bull]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.